

Фридрих Антонов

Стихи разных лет

Книга вторая

Фридрих Антонов

Стихи разных лет. Книга вторая

«Издательские решения»

Антонов Ф.

Стихи разных лет. Книга вторая / Ф. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907004-3

В книге представлены стихи разных лет. Временной интервал довольно широк, начиная с Советского периода жизни. Исключение составляют первое и последнее стихотворения. Первое посвящено герою-лётчику Роману Филиппову, а последнее посвящено невинным жертвам трагического события, произошедшего в городе Кемерово. Остальное — стихи разных лет.

ISBN 978-5-44-907004-3

© Антонов Ф.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Майору Филиппову	7
Зимний сад	8
Романс	9
Игра воображения	10
Небесный бой	12
Военно-Осетинская дорога	13
Дарьяльское ущелье	14
Неудачи долой	15
Ночная песнь	16
В горах	17
Шутка	18
Поход на ледник	19
Осетия	20
Люди гор	21
Цейское ущелье	23
Прощание с горами	24
На берегу моря	25
К Аралу	26
В Мцхете	28
Житие наше	32
Безысходность	32
И воздастся!	33
Мы вундеркинды и «рокфеллеры»!	35
Ярмарка судьбы	37
С чего начали, тем и кончим	39
Борьба борьбой, а что в итоге?	40
Степные стражи	42
Коль нет ума – его не купишь	45
Сергий Радонежский	46
Власть интриганов	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Стихи разных лет Книга вторая

Фридрих Антонов

© Фридрих Антонов, 2018

ISBN 978-5-4490-7004-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Первое стихотворение в этой книге посвящено герою-лётчику – Роману Филиппову, совершившему беспримерный подвиг в борьбе с террористами, в Сирии. Последний стих посвящён последнему трагическому событию, которое произошло недавно в торговом центре города Кемерово, на которое я не мог не откликнуться. Все остальные стихи, написаны в разное время, включая Советский период. Часть стихов написано в период путешествий по Кавказу, Средней Азии или Восточной Сибири, есть стихи посвящённые памятникам древней культуры.

Есть много этюдов к различным поэмам, которые не вошли, по тем или иным причинам, в эти поэмы или эти поэмы были по каким-то причинам не закончены. Есть много посвящений, связанных с временами года – зимой, весной или осенью.

Есть ряд коротких юмористических поэм, написанных в шуточной форме, посвящённых разным историческим событиям, лицам, или природным явлениям. Есть небольшие поэмы, посвящённые родным местам, где прошли мои детство и юность.

Есть посвящения искусству, музыке и даже дуракам. Да, да – дуракам. А что? «Дурак сегодняшний – не тот, что был вчера. Сегодня дурень всё, что нужно знает...». Хорошая поэма – почитайте! Есть стихи, которые написаны в довольно сложные периоды моей жизни и это хорошо ощущается. Правда, всё сказанное не охватывает полного содержания книги. Стихов гораздо больше и их нужно просто читать.

Ф. Антонов

Майору Филиппову (Памяти героя)

Майор Филиппов – лётчик асс.¹
Во время штатного облёта
Был сбит огнём ПЗРК.²
Вот хронология полёта
В бессмертие и на века!

Приказ ведомому: «На базу!»
Чтоб уходил за облака.
И сообщил: «В меня попали!»
А территория – врага!

Держал машину на пределе,
Пытался удержать полёт.
Но чуда всё же не случилось,
Финальный близился отсчёт.

И вот рука уже на пульте —
Спасительная катапульта,
Потом, надёжный парашют...
И вот земля! Но бой и тут!

Он защищался так, как воин!
Спокойно, чётко, до конца.
Уже израненный, не дрогнув,
Нашупал контуры кольца.³

И перед гранью в неизвестность,
Не выбирая громких слов,
Сказал спокойно подбежавшим:
«Это вам всем, за пацанов!»

Стреляют набегу бандиты...
Круг всё теснее... Злобный вой...
Он подорвал себя гранатой
И кто был рядом – взял с собой!
Теперь бессмертен он! Герой!

¹ Этот стих посвящён герою-лётчику, гвардии майору Роману Филиппову, который совершил беспрецедентный подвиг в Сирии, будучи там в составе Военно-космических сил России. Сбитый над территорией врага, он принял бой на земле и в последний момент, когда нависла опасность попасть в плен, он подорвал себя гранатой.

² ПЗРК – это «Переносной зенитно-ракетный комплекс»

³ Кольцо от предохранительной чеки гранаты.

Зимний сад

Зимний сад. Обнаженный,
Раскинул все ветви, как руки,
Вверх изломами тянется,
К небу возносит мольбы...!
Омываемый ветром седым,
Словно символ сиротской разлуки.
И суровое небо, как саван,
Безмолвно склонилось над ним.

И не верится даже,
Что были дожди и капли.
Были летние, теплые,
Ясные, светлые дни.
И шумели над ним лепестковые
Чудо-метели.
Жили птицы в ветвях,
Вили гнёзда и пели они.

Через пальцы свои,
Сквозь огромное сито времени,
Всё просеял на землю,
И лист свой багряный, и цвет...
Только голые ветви в изломах остались
От буйно-зеленого бремени.
Это вечный природы секрет —
Было, пело и нет!

Все прошло.
И не раз еще все минуется.
Видно так повелось,
Так устроено в жизни у нас,
Чтоб весне расцвести,
Надо прежде зиме отстужиться,
Чтоб набрать, на грядущее,
Жизни запас.

А когда это чудо, противу всего,
После зимнего сна,
Неизбежно пробудится...
Значит всё, как всегда,
С неизбежностью в срок,
Прорастёт, расцветёт
И ко времени сбудется.

Романс **(Любимой)**

Совершенство, дарящее радость и жизнь!
Чудо нежностью непревзойдённое!
Излучаешь незримо таинственный свет,
Согреваешь глазами своими бездонными...
Ты впитала в себя красоту всей земли,
Как сиянье зари, восходящей на свод полутёмный,
Воплощение сути вселенской любви,
Ненасытная, всепоглощающая и неуёмная!

Игра воображения (*На берегу реки*)

Покой. Широкая равнина,
Вдали волнистые холмы,
Скала, нависла над водою,
Как будто дремлет, видит сны.

Дурманит аромат сосны,
Конец красавицы весны...
Полдневный зной, царит покой
И лёгкий ветер над рекой.

Крылом невидимым касаясь
Зеркальной глади, ветерок,
Гоняет по реке картины —
И впрямь, фантастики урок!

Как будто бы сама природа,
Под осторожный перезвон
Цветов и трав, что смотрят в воду,
Нарушив вековой закон,
Заводит тихую беседу...
Иль, может быть, дремотный сон
Действительность отодвигает...
Но тихо чудо оживает:

Ладьи, наполнив ветром груди,
Лебяжьей шеей ускоряя бег,
Несутся вдаль... Мерцание оружий...
Дружины мчатся в свой набег...
И вот уж бьются в жаркой сече!

А там толпа...! Бушует вече...!
И гладь послушна ветерку,
(Картины лёжа на боку...)
День тихо клонится под вечер,
За лесом слышится ку-ку...

Так и прошёл весь этот день.
Играли краски, свет и тень,
И ветер-сказочник слегка
Кружился тихо над водой,
Слегка чудил...
И чувств настрой...

Слегка кружилась голова...

А там – слова, слова, слова!

Небесный бой *(Картина Рериха)*

Клубятся тучи, словно души павших.
И люди в предстоянии стоят.
Воздели руки, словно изваяния,
И на небесный бой глядят!

А тучи грозные плывут...
Как наваждение наплывают...
Людей всё это потрясает...
Наверное решения ждут!

Военно-Осетинская дорога

Скалы крутые, поросшие лесом,
Реки кипящие бурной волной,
Солнце на скалах гранитных играет,
В душу вливая хороший покой.
Острые пики кремневым оскалом,
Каменным гребнем спускаются вниз.
Вьется дорога, то вглубь улетаая,
То вылетая на узкий карниз.
Башни старинные слились с горами,
Тысячу лет непреклонно стоят.
Сами давно уже стали горами.
Правда костры уже там не горят.
Память старинную башни хранят.

Дарьяльское ущелье

Дари – ворота означает.
Меж скал зияющий зазор...
Дорогу в небо направляет,
Ветвистый, узкий коридор.

Так кажется, когда стоишь
На дне гранитного ущелья
И на рисунок гор глядишь,
Вверх, на подъем, на ожерелье —
Расселин, выступов и ниш.

А в небо синее посмотришь,
В том небе шум и стаи птиц —
И то ли шабаш, то ли праздник,
Как будто воля без границ.

Но это было бы неправдой,
Здесь воля только лишь для птиц.
А перед скалами – все ниц!
Твой взгляд скользит по этим скалам,
Хребты, как вечный часовой,
Нависли к низу грозным валом,
Сойдясь вплотную над рекой.

Река, как зверь, за горло взятый, —
Налился кровью страшный взгляд,
Ревет в борьбе с гранитным руслом —
Сплошной, бушующий каскад.

Так, и гудят, и рвут друг друга,
В смертельной схватке вековой,
Река ревнивая с горой,
В борьбе друг друга утверждая...
Река здесь – Терек (Он! Герой!)
И неувязочка с горой...
Но местные – все твёрдо знают —
Гора здесь тоже – Он! (Герой!)

Неудачи долой

Под весенний природы призыв
Хорошо быть её новобранцем,
Упиваться весенним теплом
И кружиться в неистовом танце.

Пробиваться, как первый росток,
Зацветать, как весенний подснежник,
Омываясь священной водой,
Что ласкает прохладой нежной.

Неудачи былые – долой!
Возрождаюсь душой обновлённой!
И отбросив нытьё и скулёрж,
Возвращаюсь к мечте потаённой.

Ночная песнь

Ночные горы в вышине
Сомкнулись с небом надо мною.
Туман, подобно сюзане,⁴
Окутал лес, шурша листвою.

Провинциальный музыкант
Пел тихо песню над водою
И голос трепетно звучал,
Словно терялся за горою.

То зарождался родничком,
Взмывая вверх, то вновь ничком,
Сложивши крылья, вниз срывался,
Как в пропасть падает орёл.
Я этой песней наслаждался.
И мне казалось, что певец —
Кому-то, в чём-то изъяснялся.

⁴ Осетинский женский головной платок, типа шали.

В горах

Воспеты горы сотнями поэтов,
Они давно молвой освящены,
Каких тут только не было сравнений!
Какие песни им посвящены!

Но каждый раз, когда иду я в горы,
Когда один – средь каменных теснин,
Я слышу голос своих древних предков,
Во мне звучит далекий землянин.

Я слышу зов Родителя земли,
Природы сыном чувствую себя острее
И от нее я здесь неотделим,
Как тот мифический Майтрея.⁵

Суровость, нежность, воля и любовь,
Здесь слито всё в могучее едино!
И горы древние вливают в жилы кровь,
Здесь человек, как бог непобедимый.

Здесь жажда подвигов в душе моей играет,
Огнём негаснущим горит,
И светлый пламень душу очищает,
И воля отливается в гранит.

⁵ Тибетский мифический герой. Его наскальные рисунки очень распространены по всему Тибету.

Шутка

Окрестили нас в горах,
Вверх загнали на Ганах,⁶
А потом собравшись вместе,
До полночи пели песни.

Впрочем в месте, но не все:
Кто остался на горе,
Кто в палатках, по местам,
Кто разбрёлся по кустам.

Но внезапно дождь пошёл,
Песенкам конец пришёл —
И певцы во все лопатки
Разбежались по палаткам.
Поскорее улеглись
И до зорьки там тряслись.

Крещение состоялось!
Мы с турбазой распрощались
И в заоблачную высь
По ущелью понеслись.

Склоны грозного Казбека,
Славный Цей – туристов Мекка.
От больших седых снегов,
Речек бурных и лугов,
Всем друзьям большой привет!
И практический совет:
Если дома заскучал —
В горы и на перевал!

⁶ Ганах – гора в Осетии, в Цейском ущельи. Её часто используют для обучения и акклиматизации туристов.

Поход на ледник

Шли мы в гору, на «Язык»
Молча, высунув язык,
От восторга онемев,
От усталости вспотев.

Вот он – ледниковый грот!
Речка снизу будто крот,
Под могучим ледником.
Пробивается тайком.

Мы на тот «Язык» горбатый,
Перед фотоаппаратом,
Словно зомби забрались,
Постояли, разошлись.

И довольные потом,
Припустились вниз бегом.
На турбазу хохоча,
Ноги еле волоча,
Добрались и дождь пошёл.
Все сказали: «Хорошо!»
(Хорошо бы, чтоб осёл,
Вместо нас тот путь прошёл!)

Осетия

На горы грозные туманы легли,
Тяжелым саваном окутаны вершины,
Струями низвергаются дожди.
Земля – вскормившая веками осетина.

Такой представилась уставшим от пути,
Промокшим путникам, ступающим долиной,
Что тонким лезвием пронзила цепи гор.
Змеей извилистой, причудливой и длинной.

На неприступных скалах диких гор
Стоят спокойно башни боевые,
Как будто вновь готовы дать отпор
Врагу, что посягнет на их седины.

Вокруг поющая гармония чудес,
Природой созданных, в ущелье над волнами.
Над шапками снегов – шатёр небес
И рек стихия мощная под нами.

Когда светило на небо взошло,
А с ним пришло тепло и возрождение,
Ликует все живое и цветёт —
Одно сплошное наслаждение.

И хмурый дух витавший здесь, в горах,
Умчался прочь, как прочь уходят воды,
И цепи гор, и чистый горный звук,
Свершают праздник солнечной погоды.

Люди гор

Да! Люди гор! Седые осетины...
Под маской жесткою, обузданных страстей,
Скрывают чувства здесь мужчины...
Здесь отношения обычные людей,
Закрыты словно горные вершины,
В период затяжных дождей.

Но стоит только дружбу завязать,
Они тепло и радость источают.
Хотя аланов гордый сын
Упорно чувства укрывает.

Откуда этот ревностный отпор?
Когда и кем он создавался?
Наверное тысячелетиями он
Еще от нардов прививался!

Здесь чувства нежные всегда считались за позор!
Любовь мужчины слабостью считалась!
И гладил он своих детей, как вор,
Чтобы община не дозналась.

Давным давно, загнанные в ущелья,
Ордой могучею, что двинул хан Чингиз,
Они веками жили так – отрезанные напрочь.
И редко с гор сходили вниз.
И войны были здесь суровой правдой.
Хотя, обычно войны – злой сюрприз!

Здесь шла борьба за веру и язык...
И в этой жизни, очень быстротечной,
Мужчина-воин к ласкам не привык,
Скорее к схваткам вековым.

Они молились скалам и вершинам,
Потокам быстрым, дереву, орлам.
И сберегли язык свой более похожим,
От скифов данный, как и нам.

Тумана сумрачным волнам,
Слагала песнь струна фандыра.⁷
Мы тоже скифы, правда нам,

⁷ Фандыр – осетинская гармонь и вообще музыкальный инструмент. Здесь выражение «Струна фандыра» использовано аллегорическом смысле.

Слагала песнь иная лира.

Но Колаксай – один у нас отец,⁸
И Автор «Слова», словно бы в беседе с нами,
Поведал, что «Мстислав зарезал Редедю⁹
Перед касожскими полками».

Седой истории былина!
А истину не долго здесь искать —
Всё сказано в самой былине.
Лишь остаётся указать —
«Касоги» – это осетины!

Мы стали разными в привычках.
Мы стали разными в словах,
Но это – внешняя «отличка»...
А Бог – он тоже ведь Аллах!

⁸ Колаксай – царь, основоположник рода скифов.

⁹ Мстислав и Редедя – герои Слова о полку Игореве.

Цейское ущелье

В ущелье Цея, ¹⁰ток струится.
И низвергаясь с высоты,
О камни острые скалы
На брызги мелкие дробится.

Затем сливаясь рукавами,
Блестя меж чёрными камнями,
Вода стекала, как в лоток,
И возродившийся поток,
Опять с огромной высоты
В провал глубокий низвергался.

И там внизу соединился
С бурливой горною рекой.
Туман в долине и покой.

¹⁰ Это название ущелья в Осетии.

Прощание с горами

Прощай суровая природа,
Что своенравною рукой
Сотворена. Леса, и воды,
И гор незыблемый покой,
В который раз передо мной,
Предстали стройною картиной —
Кремнистой ломаной грядой.
А мне уже пора домой.

Машина катит вдоль ущелья
И все плывет куда-то вспять...
Вернусь ли я сюда опять?
Или навеки уезжаю?
Хотел бы знать! Но я не знаю.

Мелькнет село, поток искристый...
Орлы парят, скалы гудят.
И горы вспять летят, летят!

На берегу моря

Ну вот и всё, маршрут окончен,
Последний день на берегу.
Внимаю шелест волн спокойно,
С прощанием медлю. Сберегу
Иль растеряю в суматохе,
Игру лазури с бирюзой,
Дыханье ветра и прибой?
Что шелестит у ног играя
И незаметно так снимая,
Тяжелых дум налёт с души.
И больше некуда спешить...
Покой... И можно дальше жить!

К Аралу

Тараним жижу наискось упрямо.
Вода сечет расплавленным свинцом.
Гудят моторы, цепью мотоциклы
И брызги разлетаются венцом.

На мотоциклах, через Кара-Кумы,
Мы всё-таки пробились не шутя.
Но страшным сном, запомнился мне ливень,
Как пули «пулемётного» дождя.

Пустыня нас не мучила жарою
И знойный нам не чудился мираж.
Стена дождя накрыла пеленою,
И впереди идущего вираж —
Почти невидим был за сеткой дождевою.

Свирепый ливень! Братцы! В Кара-Кумах!
Такое не увидишь и в веках.
Мы пробивались к дивному Аралу!
И дело было вовсе не в песках —
На твёрдых глиняных «такырах»!¹¹
Вполне обычных в тех местах.

Стихия там взбесилась не на шутку
И мотоциклы выли, молотили грязь.
На тех такырах, встретили мы «Волгу»!
Так та – юлой крутилась, будто вальс
Кружила, прыгая на кочках.
Погодка, в общем, удалась!

А дождь прошёл – всё высохло мгновенно!
Кто б рассказал – поверил бы с трудом.
Мы так в той глине извозились!
Отмылись, правда, все потом,
В Аральском море голубом.
Когда мы до него, в конце концов, добрались.
Ныряли, плавали, купались.

А для охоты под водой,
Достали ружья, что с собой
Мы привезли – охота там крутая!
Вода прозрачная такая —

¹¹ Такыры – небольшие возвышения (кочки) покрытые жёсткой, к лету уже высохшей, травой, на ровной, как стол, широкой равнине.

Огромный, чистый водоём.
И много разной рыбы в нём!

Сазаны! Карпы! Судаки!
Сомы – ну просто, как быки.
Гарпун о чешую там иногда ломался!
Куда девались рыбаки?
И рыбы те, что как быки?
Куда вообще, Арал тот удивительный девался?
И кто на это даст ответ?
Ведь было море! Нынче – нет!

В Мцхете

В старинной Мцхете, на краю селения,
В убогом доме, старый человек
При встрече вызывал лишь сожаление,
Он был старше, чем двадцатый век.

Знакомые встречали дядю Мишу
Улыбкой радостной. И он приветлив был.
С ним люди часто говорили
И он охотно говорил.

Он был по-должности музейный старый сторож.
Но был историком, в историю влюблен.
Он рассказал нам множество такого,
Что скрыто уж давно, завесою времен.

Чего не даст вам ни литература,
Ни каталоги званий и имен,
В библиотечных залах и подвалах.
Живой свидетель канувших времен!

При твердой памяти, с живым умом,
Он рассказал о том, что в Грузии, в династии царей,
Есть ответвление от римского Помпея...
Да вы взгляните просто на портрет в музее —
Где изваян был Гней Помпей.
Потом его с Ираклием¹² сравните...
Да, да! Три тысячи чертей!

Меж ними два тысячелетия!
А сходство полное!
Вы скажете, наверное, — чудно...
Но Мать-Генетика – великая наука!
И эта истина доказана давно!

Он рассказал ещё о стародавней Мцхете,
И о судьбе монастырей,
О церкви, связанной с поэмой Мцыри.
А кое-что и про князей...

Он рассказал, что Юрий Долгорукий
Был мужем царственной Тамарь,

¹² Здесь под именем Ираклий имеется ввиду не царь Ираклий, а Ираклий Андроников (Андроникошвили) – представитель побочной ветви грузинских царей. Официально считается, что Ираклий Андроников происходит из княжеского рода, корни которого уходят в Византию.

Два с половиной года был царём Картлийским.
(Так Грузию все называли встарь!)

А после, этот брак распался!
Тамара царством занялась.
И Руставели – Таризла¹³
Воспел, Тамарою пленясь.

Я на минуточку представил,
Что было бы с «российской стороной»,
Когда бы брак с грузинкой не распался?
И стал бы он для Юрия – судьбой!

Это же драма! Боже мой!
Сперва б – Москва не основалась!
Её ведь Юрий основал.
(Да, это ж форменный скандал!)

России тоже бы не стало —
Её Москва воссоздала!
А нет Москвы – и нет России.
(Россия просто не пришла б!)
А Киевская Русь – погибла
И Украине жизнь дала...
Такие в общем-то дела!

Представьте, Юрий – грозный царь,
При нём – счастливая Тамарь...
И не трясло бы Мать-Европу:
«Россия! Раша! Страшный враг!» —
Не подставляли б свою... спину —
Под тот американский флаг!

Вот что наделал бы тот брак!
Да... Но на счастье – всё не так!
Прошу за «фэнтэзи» прощенья...
Ну, ладно, ладно! Сам дурак!

Супруг Тамары, Долгорукий —
Конечно, Юрий! Только он —
Был внуком Юрию – другому!
Который с детства нам знаком.
Который основал Москву,
И не пускал туда Литву,
Имел могучий Род, и Дом,
И правил Киевом при том.

¹³ Таризл – главный герой поэмы Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

А младший, Юрий, – это внук!
Кормился в Суздале, немного...
Но претендентов было много,
Был изгнан братьями на Юг.

В Свинч – дальний город, половецкий,
(В родные – бабкины края.)¹⁴
И Половецкая земля
Признала – «облик молодецкий»!

А там, как время подошло, —
Посольство Грузии пришло.
И призван был на царский на трон,
Как муж Тамары и патрон.

Когда же брак у них распался,
Тамара выслала его.
А дальше – просто ничего!
Лишь несколько предположений,
Где след теряется его.

Он дважды взять престол старался!
Но был Тамарою разбит.
Предполагают (осторожно),
Что был в конце концов убит.

Ещё, вот так, – предполагают:
Что отбыл к половцам на Дон.
Ещё есть сведения учёных,
Что он в Поэме – царь Фридон,¹⁵
В бессмертной саге Руставели...
Возможно, правда, – это он!

Вопрос открыт. Красив, силен...
И в прошлом – смелый полководец...
Но где же в самом деле он?

Ещё истории... Одна другой смешней!
Но где у «сослагательности» ниша?
И где те точки поворота в ней...?
Всё было под «дворцовой крышей»...
В интригах «дам и королей»...

О многом ведал дядя Миша,
Что скрыто там, во тьме ночей,

¹⁴ Мать Андрея Боголюбского (отца Юрия Андреевича суздальского, будущего мужа Тамары) – была дочерью половецкого хана Аепы. (Она была половчанкою).

¹⁵ По мнению учёных, прообразом царя Фридона является Юрий Суздальский, муж царицы Тамары.

«На холмах Грузии» моей!

А что там было, под той крышей?
(В интригах дам и королей!)
Известно было даже мышам,
Что жрали свитки у князей,
Все их пергаменты и письма,
Но всё пропало – в мир теней...

Как жаль, что добрый дядя Миша
Не дотянул до наших дней.

Мир праху бренному его!
Мир славной памяти его!

Житие наше

Безысходность

Как безысходно мы живём.
Работа – дом, работа – дом!

Тоска зелёная на целом белом свете!
Ритм забодал, спасенья нет,
Коллеги тянут на банкет.
Но ты домой, а там дурдом. И дома дети!

И дело в общем-то не в том.
Но как же скучно мы живём.
И разговоры ни о чём.
Знакомых встретил:
«Кто с кем живёт и кто что пьёт?
Кому сосед их – морду бьёт?»
Все новости! Вся жизнь – на этом свете!

Поговорим тогда о том,
Что будет с нами там, потом...
Когда в конце концов отправимся к Харону...¹⁶
Хотелось бы, конечно, в рай...
Но тут лишь на себя пеняй!
Что заработал, то и «маешь»¹⁷ по закону!

¹⁶ Харон – мифический перевозчик через реку забвения в загробный мир.

¹⁷ Маешь – это украинизм, «имеешь» по-русски.

И воздастся! **(А воздастся ли?)**

Так что же будет там, потом,
Когда мы на тот свет уйдём?
Что вам, друзья мои,
На это все ответить?

Коль жизнь прожил и не узнал,
Зачем ты жил, о чем страдал?
И чем ты жизнь свою, по совести, отметил?

Кого ты спас или согрел?
Или ты только пил да ел?
По-скотски жил, по-скотски пил,
Так что ответить?
Наверно будет божий суд,
(И исполнение дадут!)
Чтоб за грехи свои мог полностью ответить.

Тут не замнёшь и не соврёшь,
И ни кого не уберёшь,
И жирной взяткой никого не заболтаешь!
Наверно будет все путём...
Но это будет там – на том...
При том неведомо-то: будет иль не будет?

Ну а пока мы все живём,
И все на этом, не на том,
Так может, как-то это всё-таки, отметим?
Не раздаем огонь святой,
И где не платят – ни ногой,
И мы не пастыри, что в праведном завете!
Не раздаём тепла души
И канителиться в тиши,
Но все с комфортом, жить хотим на этом свете!

Так как же, всё-таки – потом?
Когда мы будем все на том?
И кто нам скажет, кто нам верный путь укажет?
И кто ответит не шутя,
Вопрос ведь задал не дитя!
Что будет там, да-да на том, а не на этом?

Наверно, будем в темноте!
Ведь там мы тоже уж не «те».
Ну да, конечно же не «те»,

(Там свет не светит!)
Привычка где-то увильнуть
Или от трудностей «хильнуть»,
Наверно скажется, и там, и на том свете.

Узнаем это всё потом,
Тогда, когда туда уйдём,
Там обоснуемся... Иль далее поедем!

Мы вундеркинды и «рокфеллеры»! (А как же, братцы, только так!)

У нас все планы – на успех!
Но плохо строим, как на грех.
И электроника – давно в сплошном завале,
Футбола нет, машины-дрянь.
И так везде, куда ни глянь,
Да и промышленность – в критическом провале.

Японцы спорят: «Так иль нет?»
Одни твердят: «На двадцать лет!»
Уже, и спорить, и доказывать устали...
А те, другие им в ответ:
«Какие двадцать! Что за бред!»
Мол, мы от них – пожизненно отстали!

А на проверках – всем шиши...!
Мы на проверках хороши!
Мы на проверках всё, что нужно, понимаем:
И кто нас будет проверять,
Кому, когда и сколько дать,
Мы это всё, всегда и досконально знаем.

Мы норы роём как всегда!
(Иначе – только иногда),
А в общем, мы их как всегда, как крысы роём.
Боимся мы открыто жить,
Душою ближнего любить.
Не по указке, и не кучей, и не строём!

А наша прежняя мораль,¹⁸
Закрыла наглухо вуаль!
И ведьма чёрная, и с чёрными когтями,
Вцепившись в душу, тянет в грязь,
Пытаясь вызвать на боязнь.
И повести с собою шаткими путями.
И потребительский кумир
Опутал весь наш этот мир,
Мещанский пошленький и с мелкими страстями.

Все наши «абы» да «кабы»,
Хоть мы конечно не рабы,
Но вот судьбу влачим без просвета по свету,

¹⁸ Мораль советского человека, строителя коммунизма.

Без возмущения, без мольбы,
Без героической борьбы,
С одной мечтой добыть хорошую монету.

Один торгует у лотка,
Другой на ринге мнёт бока!
А тот в науку устремился. Эко дело!
Путей бессчётно – цель одна
Цель эта скудна и бедна,
Телец златой у нас царит и правит смело!
На ярмарку! На ярмарку! (Умело!)

Ярмарка судьбы

Сюда! На ярмарку! Быстрее!
И веселее, веселее...!
Пустоголовые бегут...!
Толпятся, очереди ждут...!
По-современному... Как это...? Да! Тусятся!
Туда! Скорее все – туда!
(И что нам – «рыбка из пруда»?)
Туда! Туда! А там, хоть хам! – Все веселятся!
Пройти! Протиснуться!
А лучше – прописаться!

И все хотят, и все бегут,
Туда, где выгодно берут.
Смотрины, кастинги, и конкурсы, и пробы!
Забота общая – одна,
Попасть куда-нибудь туда,
Где можно будет без труда... (Простите снобы!)
От жизни сложной увильнуть,
В струю попасть или нырнуть,
И выплыть где-нибудь – в шикарные особы!

Но тут не стоит и гадать,
Не стоит и предполагать —
Не очень многие богатство раздобудут.
Жизнь ломает, и помнёт,
И очень многих приберёт,
А вот мошенники – все с выгодой будут!

Не многим счастье приключится!
Кому – и «буйвол отелится»...,
А у кого, отец – банкир иль может бизнесмен,
Вор, бюрократ, гранд-полисмен.¹⁹

А русский или же нацмен,
Значения большого не имеет!
Их детки всё преодолеют —
Все несуразности судьбы...
А остальные все – в рабы!

А что всего ужаснее на этом белом свете?
Да то, что сволочи – поганые все эти,
Не только нас хотят в рабы!

¹⁹ Под гранд-полисменами здесь имеются ввиду бюстители порядка лихих 90-х, которые (по мнению большинства людей) слились с криминалом и были по сути бандитами.

(По злему умыслу судьбы!)
Они хотят ещё, чтобы рабами стали наши дети!
А кто за это, как положено, ответит?

Капитализм... Социализм...
Пусть даже самый лучший «изм»!
Какой бы строй у нас не приключился...
У нас – и «самый лучший изм»
Оборотится – в сволочизм!
У нас ведь всё – в сплошную пакость превратится.
При чём, никто при этом и не удивится!
Поскольку сволочи у нас —
Ведущий в государстве класс!

С чего начали, тем и кончим

Работа – дом, работа – дом!
К тому наверно и идём.
Заботы, дом, жена, семья, какие взлёты?
Какие думы и мечты?
Не подломились бы хребты,
Одна забота – не исчезла бы работа!

Борьба борьбой, а что в итоге?

Все победители всегда —
В конце, становятся рабами.
Тут не ищи игры судьбы,
Это и есть закон борьбы,
И он придуман был давно, да и не нами.

Рабы обычаев своих,
Рабы привычек неслучайных,
Пороков пагубных, но тайных...
Привычек лезть в дела других...
И масса случаев иных!

Когда борьба идёт к победе,
То интересы сразу – врозь.
И ты придурка не морозь,
Они, до этого, почти всегда сходились...
А тут всё сразу вкривь и вкось,
И интересы сразу врозь...
Здесь все, всегда, со страшной злобой расходились!

Противоречия? Ну да!
Они у них, во всем, всегда!
Они же были и тогда, когда боролись...
Но с ними мирятся всегда,
Когда совместная борьба.
Но вот закончилась борьба – и раскололись!

Когда кончается борьба —
У каждого своя судьба.
Один тут волк – другой, как водится, овечка,
Забавно, правда? Всё срослось —
Но вдруг – в клыки! И понеслось!
И вместо дружбы и любви – одни увечья.

Достигнут вроде бы прогресс...
Но дальше личный интерес...
И дальше только тяжкий стресс, ведь тут играют!
И тут опасность есть попасть —
Туда, где ты не сможешь красть,
А там всегда – одни лишь лохи прозябают!

А коль играл и проиграл,
То дальше лишь сплошной скандал,
Ибо тебе от всех достанутся лишь крохи.
Прощай весёлая братва,

Омаров нет – одна плотва...
Ну и дорога лишь одна —
В сплошные лохи!

Степные стражи

В степях бескрайних, средь кочевий,
В далёкой древности седой,
Курганы люди насыпали,
Чтоб предки в них нашли покой.

А над курганами крутыми,
Чтоб сон покойных охранять,
Богинь из камня высекали
И сверху ставили стоять!

С тех пор прошли тысячелетия,
Они дошли до наших дней,
Стояли на холмах высоких
И средь распаханых полей.

Их не разрушило: ни время,
Ни грозы, войны, ни злодей...
Их уничтожило бездушие
«Цивилизованных» людей!

Растаскивали по подворьям
Отцы народа и купцы,
Не брезговали и другие,
В свои беседки и дворцы.

Мужи учёные тащили —
Писать научные труды,
Гробокопатели копали,
Ещё задолго до орды.

И все сокровища искали...
И все старались — откопать!
И свою землю обокрали...,
А что потомкам передать?

Потом их — по дворам музеев,
Свезли на радость ротозеям.
Всех по задворкам развезли...
Учёт «амбарный» завели...

Условия? Да, никакие!
А что? А кто они такие?
Чего нельзя? Какой запрет?
Что? Греки? Фидий? Поликлет?
Да, идолы они простые!

И все ведь грубые такие...
И им другого места – нет!

И никого здесь не осудишь!
Ведь тут встаёт такой вопрос...
С кого теперь нам делать спрос?
Те, первые, – давно в могиле...
И против них – закон не в силе!
А с тех, кто позже... – Что? С кого?
Ведь ломали ничего!

«Цивилизованность» несли...
Ночей, родимые, не спали!
От разграбления спасали...
Свою научность привнесли!
Ведь, не куда-нибудь свозили...
В музей – в единый организм!
И всё-таки – большой цинизм,
Во всём, что с дуру основали...
Во всём, что с дуру наломали!

Великую культуру разгромили!
И всё пустили, как под нож...
Теперь ты что тут не возмёшь —
Застёжки, серьги или брошь...
А чаще просто – черепки...
Сосуды битые, скребки...
И украшения, что взяли из могилы...
(Как после вора иль громилы!)

Тут так и хочется спросить:
«Не страшновато ли творить?»
Всё изучали... Изучали...
И всё как есть переломали...
Останкам – по музеям гнить...
А на земле нам, что хранить?

Ведь всё как есть – перекопали...
Курганы, напрочь, разнесли...
И изваяния покрали
Или, как мусор увезли...
И кто учёный здесь...? Кто вор...?
Почти никчемный разговор...!
Скелет... Сокровища... Богиня...
Итог один – везде пустыня!

При этом все прекрасно знали:
Что все на тех гробах плясали!
Ну, раскопал! – Восстанови!

Греха на душу не бери!

Так нет – ограбил и долой!
С спокойной совестью – домой.
«Да! Я учёный! Изучал!»
(И даже не подозревает,
Что святотатство совершал!)

Мы всё должны восстановить!
Останки вновь захоронить,
Богинь поставить на курганы,
Курганы все – восстановить!
Всё – на местах должно стоять!
Ужели трудно так понять?

А для сокровищ, пусть – музеи!
Пускай вот там они и сеют,
Всё доброе, что в этом есть...
И может! В этом будет – честь!

Коль нет ума – его не купишь

Да, было времечко – блистала!
Была когда-то сверх-звездой!
Но постарела, потолстела,
Давно пора бы на покой...

Так нет же – платья выше паха...
Хотя пора уже сменить!
Ведь платье – это не рубаха!
Хоть ноги дряблые прикрыть...

Но продолжает в том же духе!
Стремится – выше показать...!
Ну и...? Куда это девать?
Ведь 60 не 18...
Да и пора же меру знать.

Сергий Радонежский

В лесной глуши, у трех холмов лесистых,
Монах-отшельник, в давние года,
Нашёл приют среди пушистых сосен,
Срубил себе избу, оставшись навсегда.

Ушёл от суеты, завистливых соседей,
Стяжателей добра и ханжеских речей.
Вошёл он в светлый мир лесного заточения,
Где вместо серебра ему звенел ручей.

А вместо алчных глаз любителей наживы,
Соблазна и греха, мирских утех,
Он созерцал покой в своем уединении.
И получил в трудах своих невиданный успех.

Не нарушая жизни мирным тварям,
В молитвах и трудах прожив свой долгий век,
Он стал великим чудотворцем.
Он был великий человек!

Власть интриганов *(1985 год)*

Власть интриганов, эгоистов,
Честолюбивых мудрецов,
Возведенных толпой глупцов
На «олимпийскую» вершину...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.